

ИЗ ДНЕВНИКА МОЛОДОЙ УЧИТЕЛЬНИЦЫ

Из одного дерева икона и лопата.

Русская пословица

Владимир Харьбин,
преподаватель
кафедры общей
культурологии
Московского
государственного
университета
культуры и искусств,
член Союза
писателей
России

24 февраля 2000 г. Удивительно, но уже в античности, в отличие от нас, задумывались: чем похвалится и самый ничтожный из людей, разве это может быть *благом*?

Поражает, сколь ничтожно мало число людей, в том числе педагогов и разного рода «специалистов», которые задумывались бы над таким вопиющим фактом. Сегодня едва ли не большинство симпатичных девушек и юношей, успешно оканчивая даже лучшие школы, гимназии или университеты, *мечтают точно о том, желают точно того же*, что и далёкие от всякого образования люди. Между тем «желания есть самая сущность человека» (Спиноза).

Что же означает подобное родство душ? И чего тогда стоят все эти благопристойные с виду, образованные по последним образовательным стандартам юные «стандартные» души?

Хотя, конечно, им сейчас не позавидуешь: разве сама молодёжь должна нести бóльшую долю ответственности за всё, что с ней происходит?

Вот недавно моя соседка, пожилая учительница истории, долгие годы бывшая членом партии и директором школы, откровенно говорила мне:

— Я 40 лет воспитывала ребят, учила их честности, патриотизму, всяким высокими идеям... А оказалось, что всё это вздор. Только сейчас, благодаря реформам и свободным СМИ, я наконец-то поняла, что жить надо ради денег и самой себя. И нечего этого стесняться!

Вот так. Раньше телевизор говорил о человечности и справедливости, и она ему вторила; теперь стал проповедовать ценность денег и эгоизм, и она стала о том же говорить. При чём же тут «высокие идеи»? Какие «идеи» могут быть у тех, у кого вместо своей головы — телевизор?

8 марта 2000 г. Скоро мои ученики окончат школу. Прошло всего семь лет, как мы впервые увидели друг друга, и вот мои нелепые пятиклашки незаметно превратились в стройных симпатичных девушек и рослых юношей.

Меня неотступно мучает вопрос: какими они вырастут? Смогут ли хотя бы некоторые из них *начать думать*? Думать не о том, как бы получше устроиться в жизни (ибо что же такое эти мысли, как не чистое безмыслие?), но о самой жизни.

Вглядываясь в своих подростков, я вспоминаю слова Гёте, написанные давно, но с тех пор лишь выросшие в цене: «...Оживление в торговле, шелест банкнот... вот те чудовищные стихии, во власть которым отдан теперь молодой человек. Благо ему, если природа наделит его умом воздержным и спокойным и он... не допустит, чтобы мир определял его сущность» («Годы странствий Вильгельма Мейстера»).

Вот я и думаю: смогут ли мои ученики сами определять свои цели, свой образ жизни — или за них это сделают не в меру заботливые родственники, или случайные приятели, или телевизор, или ещё кто-нибудь? Сумеют ли ощутить человеческую атмосферу, в которой все мы с недавних пор вынуждены дышать, не как что-то «временно необходимое» или тем более «естественное», но именно как нечто «чудовищное»? Кто находит её ароматной — скорее всего, обречён; кто задыхается — имеет шанс выздороветь. Окружённые буквально со всех сторон яркой пошлостью и дипломированным безмыслием, смогут ли они когда-нибудь узнать, что же это такое — по-

шлость и безмыслие? По слову древнекитайского мудреца, «рыба не знает, что живёт в воде».

Оглядываясь назад, я пытаюсь вспомнить наиболее существенное из того, что исподволь формировало их юные души. Однако главное — это *будущее*. Ибо где ещё, как не в будущем моих учеников, раскроются смысл и ценность моего труда?

14 марта 2000 г. Что было в самом начале, в пятом классе? В начале была *дружба*. Это у В.А. Сухомлинского, несомненно, лучшего нашего педагога, я научилась, что без дружбы с учениками никакое воспитание немислимо. И мы при первой возможности с удовольствием ходили в музеи, театры, филармонию, собирались у меня дома — попить чаю и откровенно поговорить о наших делах. (Ах, как же они сияли, как гордились, что запросто бывают у своего учителя дома! И как ученики других классов им завидовали...) А на день рождения не забывала каждому из них подарить хорошую книжку. К тому же они по достоинству оценили мудрое правило Василия Александровича, которому я старалась по возможности следовать, — не ставить унижающих ученика двоек. Так мы и подружились.

Что же касается уроков, то прежде всего остального я старалась, чтобы они были как можно более эмоциональными, волнующими, чтобы школьники не усердствовали без меры в запоминании чего-то бездушного и отвлечённого, но острее ощущали непосредственную связь между тем, что мы изучали, и нашей собственной жизнью, чтобы *проблемы урока* были в то же время и *проблемами жизни*. «Я считаю, что школа лишь тогда школа, когда главный предмет в ней — человековедение, когда познание мира начинается с познания человеческой души...» (Сухомлинский).

У меня хранятся их детские сочинения. По-моему, это лучшее из того, что они написали во все свои школьные годы, — столько в этих детских работах

искренности, чистосердечия, непосредственной человечности... Вот что и вправду поразительно: описывая события из истории Древнего мира, они так волновались, так переживали за незнакомых людей, живших за тысячелетия до нас, словно речь шла об их близких. Не то что у взрослых, но даже у подавляющего большинства нынешних старшеклассников и студентов трудно найти такое живое отношение к чтению, такое искреннее неравнодушие к людям, к добру и злу, какие были у моих «пятаков».

Одно незабываемое событие из нашей жизни в шестом классе. Накупив гостинцев, мы поехали в больницу наве-

стить нашу одноклассницу Оксану. Ну разве можно такое когда-нибудь забыть: худенькая бледненькая девочка в пижамке бежит к нам во весь дух по коридору и с разбегу бросается мне на шею. Крепко обнимая меня своими тоненькими ручками, пряча своё лицо, она утыкается в меня и замирает, не дыша...

А в школе немножко стеснялась меня.

29 марта 2000 г. Семьи моих учеников, разумеется, разные. Во многих из них любят своих детей и, как умеют, заботятся о них. Между тем чувствуется, что в жизни старших — несомненно, хороших и порядочных людей — явно чего-то недостает, какого-то ещё одного

измерения. Кто-то из них, наверное, и сам это понимает, тоскуя в душе о более интересной и содержательной жизни. Однако служебные, материальные, семейные, хозяйственные заботы, очевидно, изматывают и опустошают их настолько, что ни на что иное времени и сил уже не остаётся. Ребята сами признавались мне, что родные не только плохо понимают их, но почти и не разговаривают с ними.

Есть, конечно, и совсем другие семьи — непроходимо мещанские, где преуспевающие родители добросовестно возвращают своих детей деньгами, вещами и развлечениями. Очевидно, что никакой другой любви они не понимают. Бедные подростки из таких богатых семей заставляют вспомнить деликатнейшего Чехова: «Только едят, пьют, спят, потом умирают... рождаются другие и тоже едят, пьют, спят и, чтобы не отупеть от скуки, разнообразят жизнь свою гадкой сплетней, водкой, картами... и неотразимо пошлое влияние гнетёт детей, и искра Божия гаснет в них, и они становятся такими же жалкими, похожими друг на друга мертвецами, как их отцы и матери...» («Три сестры»).

Понятно, что с тех пор способов борьбы с отупением от скуки стало гораздо больше, но вот подобное «неотразимо пошлое» родительское влияние, боюсь, стало ещё более неотразимым. Мои ученики из подобных семей слышали эти ошеломляющие чеховские слова, поражались, волновались, но... в конце концов решали, что к ним они не имеют никакого отношения: ведь написаны они были давно и не про них. Многие так даже возмущались и обвиняли писателя в «высокомерии» и «жестокости». Ну так что же? Повозмущаются, успокоятся, и, когда вырастут, боюсь, ещё раз докажут его бессмертие.

4 апреля 2000 г. Три последних года наиболее любознательные занимались со мной на факультативе, где мы пытались впервые прикоснуться к вопросам житейской мудрости: что есть настоящее общение, дружба и любовь? Что значит «понять человека»? Чем истинное образование отличается от обыкновенного? Как не ошибиться в поисках своего призвания? Как преодолеть страх смерти и есть ли в ней какой-нибудь смысл?..

Самые нетерпеливые приставали ко мне даже на перемене: «Ну что вы нас мучаете? Скажите сию минуту и прямо: в чём смысл жизни?» Многие из них до сих пор находятся в недоумении потому, что впервые в своей жизни столкнулись с такими не книжными, деликатными вопросами, на которые нет и не может быть никаких готовых ответов (вроде определения в учебнике), но которыми можно только *жить*. Они ещё не знают, что в юности непустые *вопросы* куда важнее и плодотворнее любых возможных «ответов».

Пробуя, забегая вперёд, без конца ошибаясь и вновь пробуя, я благодаря своему опыту — во многом, увы, горькому — только сейчас стала действительно понимать то, что

когда-то читала у Германа Гессе: «Истина должна быть пережита, а не преподавана» («Игра в бисер»).

Как бы то ни было, но без неформального, предельно свободного общения с подростками я себя в школе совершенно не представляю. Довольствоваться одними уроками я теперь уже никогда не смогу..

Если попытаться как-то сформулировать высшую, сокровенную цель всей моей работы в школе, то можно, пожалуй, определить её как *первое посвящение в культуру*. В чём его сущность, об этом хорошо сказано у Ницше: «...Культура есть дитя самопознания каждого отдельного человека и его неудовлетворённости самим собой. Каждый верующий в культуру тем самым утверждает: «Я вижу над собой нечто более высокое и человеческое, чем я сам...» Итак, лишь тот, кто отдал своё сердце какому-нибудь великому человеку, получает в силу этого своё *первое посвящение в культуру...*» («Шопенгауэр как воспитатель»). Но понятно: чтобы отдать своё сердце великим, сначала нужно их как следует узнать.

Занимались раз в неделю после уроков в нашем классе, почти в домашней обстановке, за непременно чаем со сладостями. Когда я рассказывала им о сложной, часто противоречивой, почти всегда трагической, но прекрасной жизни великих мыслителей, поэтов, подвижников, они слушали с нескрываемым восхищением. Однако после, поостыв, говорили:

— Всё это хорошо, но почему вы нам всё время рассказываете о том, как никто сейчас не живёт и жить уже не может?

— Мы с вами каждодневно видим всего лишь жизнь большинства, — отвечала я, — а это ведь далеко ещё не вся жизнь. Не случайно же Толстой жизнь своего Ивана Ильича, «самую простую и обыкновенную» жизнь, назвал и «самой ужасной». Наша задача — узнать не

то, как все живут (ибо что же здесь узнавать — всё на поверхности), а то, что надо и, главное, чего *не* надо делать, чтобы как можно лучше, достойнее прожить свою единственную жизнь.

— Но разве большинство людей могут заблуждаться в том, как надо жить? — недоумевали ученики.

— И вы это спрашиваете после того, как сами же мне говорили, что это самое большинство живёт по-заведённому, а если и задумывается о чём-то жизненно важном, то не более 5—10 минут в день. Вы же это сами наблюдали вокруг себя, с секундомером. Как же так? Выходит, каждый по отдельности живёт так, что его трудно заподозрить в знании мудрости, а, собравшись вместе, все вдруг оказываются мудрецами?

В 9-м классе они ещё соглашались с Сократом в том, что «мнение большинства относительно наиболее важного есть мнение невежд», но, взрослея, почему-то стали это забывать...

— Своими благородными идеями вы обрекаете нас на нищету и одиночество! — ещё говорили они мне запальчиво, но не без испуга. — Ведь сейчас быть очень образованным — значит быть нищим и одиноким.

— Мы с вами изучаем *не* мои идеи, — отвечала я, — а идеи вечных собеседников человечества. Зачем же мы это делаем? Неужто для того, чтобы вы стали несчастными?..

— А никак нельзя стать умным и в то же время обеспеченным? — с надеждой спрашивали они. — Говорят же сейчас: «Если ты умный, то почему не богат?»

— На это недомыслие можно ответить так: «Именно потому, что не хочу поглупеть». Да и что можно сказать об уме того человека, который более всего остального занят мыслями о деньгах? Разве не выдаёт он себя *с головой*? Сам вопрос, ставший ныне расхожей глупостью, свидетельствует о плачевном отсутствии не столько денег, сколько чего-то более важного.

10 апреля 2000 г. Вчера во МХАТе на Тверском бульваре с классом смотрели «Грозу» Островского. Такой драмы я никогда ещё не видела. Многие школьники были одеты в спортивные костюмы, во время спектакля пили пиво и катали по проходам пустые бутылки; не обращая никакого внимания на учителей и девушек, матерились в голос; аплодировали по каждому пустяку и ржали на весь зал, когда совсем не смешно... Особо буйных выводили наряды милиции с дубинками, предусмотрительно вызванные администрацией. Такие вот новые русские школьники, наше «демократическое будущее».

15 апреля 2000 г. Чем старше становятся мои ученики, тем больше мне думать о том, как бездарно проводят они свои летние каникулы. Шутка ли, три месяца ежедневных упражнений в полнейшем безмыслии! Похоже, многие родители до сих пор искренне считают, что свежий воздух и хорошее питание — это всё, что нужно для полноценного развития подростка. Как говорил когда-то Фонвизин, воспитание было питание...

Многие из ребят с лукаво-застенчивой улыбкой признавались после каникул, что за всё лето не прочитали ни одной книжки: «Так хотелось рассла-

биться...» И мне не раз приходило в голову, что в школе они больше уставали, чем умнели, а летом больше глупели, чем отдыхали. Ну не абсурд ли? Полностью свободное время — бесценное время для непутого общения и собственного развития — на деле превращается в смертельную опасность для всякого развития.

Начав же учиться, некоторые из них жалуются мне:

— Каждый день ложусь спать и вижу, что ничего важного для жизни опять за целый день не узнал, ни о чём серьёзном подумать так и не успел, хотя с утра до вечера учился — в школе и на подготовительных курсах... Жалко, что так неинтересно, впустую проходит собственная юность.

Жалуются... и продолжают жить по-прежнему.

Несмотря на все мои старания, последние школьные годы прошли так, что всё искреннее и разумное в нашей с ребятами жизни представляется мне сейчас какими-то крохотными островками, затерянными в океане необязательных дел, поверхностных чувств, машинальных слов... Да, мы по-прежнему ходим в театры, в консерваторию, в Третьяковку, но много ли в этом толку? После всех этих хождений я не могу обнаружить в них ни новых вопросов, ни сколько-нибудь заметного обогащения сознания, ни малейших изменений в их полубессознательном образе жизни. Великое искусство, похоже, остаётся для них всего-навсего культурным развлечением, не имеющим к их жизни никакого отношения. То же самое, наверное, можно сказать и о чтении — главной моей надежде. По успеваемости наш класс всегда считался самым сильным в школе, человек 5—7 при желании могли бы без особого труда стать полноценными медалистами, но я совсем не уверена в том, что кто-нибудь из них научился *читать*.

В самом деле, если всякое полноценное чтение есть сомышление с писателем, то чтение без карандаша и последующего осмысления прочитанного, без наших вопросов — прежде всего о нашей же собственной жизни — не является ли оно пустой тратой времени? Мыслимо ли мимоходом понять, да ещё сделать «своим» то пережитое, передуманное, к чему мудрый человек исподволь шёл долгие-долгие годы?..

Об эпидемическом бедствии невиданной прежде утороплённости не только чтения, но и образования, дружеского общения, буквально всего уклада современной жизни хорошо сказала — почти 50 лет назад! — Ахматова в стихотворении «Скорость»:

Бедствие это не знает предела...
Ты, не имея ни духа, ни тела,
Коршуном злобным на мир налетела,
Всё исказила и всем овладела,
И ничего не взяла.

23 апреля 2000 г. Человек десять моих учеников не первый год самозабвенно занимаются в различных юношеских клубах, кружках, каких-то районных «штабах». Интересно, что большинство клубных наставников (увы, как и педагогов вообще), будучи вчера, вот буквально ещё вчера преданными комсомольцами и коммунистами, в одночасье оказались вдруг самыми убеждёнными либералами и самоотверженными потребителями. Подростки искренне восторгаются этими идейными блудниками и даже не шутя видят в некоторых из них живое воплощение идеала. Они радуются, что наконец-то нашли таких взрослых, которые понятны им, как бульварная газета, что у них совершенно одинаковые вкусы, развлечения, взгляды на жизнь, что они стали хорошими приятелями... Как им догадаться, что главная причина этого приятного приятельства есть примерное равенство умов — больших и маленьких?

Ребята с гордостью повторяют девиз своего штаба: «Унесём людские печали!» Не знаю, что уж они там уносят и у кого, но со стороны хорошо видно, что опытные штабные наставники как несли, так и продолжают нести подросткам — невежество, а себе — всяческие блага и знаки уважения. Кто ж тут будет печалиться?

Все эти беспечальные кружки и штабы являются совершенно неприступными бастионами, где дети и «вечные дети» спасаются от жизни. Хорошо зная многих взрослых воспитанников этих заведений, вижу главное: вырастая в них, можно стать кем угодно — преуспевающим дельцом или чиновником, директором школы или актёром, но ещё никому, кажется, не удалось одного — немного поумнеть. Едва ли не на каждом из них лежит пожизненное клеймо какой-то умственной ребячливости и серьёзной озабоченности пустяками, какой-то бессмысленной общительности. По нашей пословице: «Трясёт козёл борю, так привык смолоду».

28 апреля 2000 г. Любопытный эпизод на моём уроке. Размышляя о смысле различных профессий, мы пришли к выводу о сомнительной нравственности занятий бизнесом. На что Витя Н. в сердцах воскликнул: «Что же, мой папа плохой?!» Действительно, и одевает, и на машине катает, и за границу отправляет, и денег даёт сколько хочешь... Как же плохой?

Помнится, при чтении моих любимых писателей (Герцена, Толстого, Ницше, Чехова) мне уже приходила в голову такая обескураживающая мысль. Многим даже одарённым девушкам и юношам потому так трудно начать думать, что они живут с родителями.

Ах, опять этот болезненный вопрос о родителях... Но куда от него денешься? Как ни горько это видеть (и не только в семьях моих учеников, конечно), но самые близкие люди — разве не они загораживают от своих детей мир и всё действительно ценное в нём? Принять существование своих родных за настоящую жизнь — вот искушение, часто непреодолимое для юной сострадательной души. «Я не удивляюсь тому, — писал Сенека юному Луцилию, — что всё дурное преследует нас с малых лет: ведь мы выросли среди родительских проклятий». Разумеется, во все времена эти проклятия звучат как самые нежные благословения.

13 мая 2000 г. Когда я слышу о планах на будущее своих любимых учеников, с помощью которых они с лёгкостью собираются исковеркать свои жизни и души, мною всё чаще овладевает отчаяние. Я им говорю:

— Сначала займитесь всерьёз своим образованием, узнайте получше людей, жизнь, научитесь думать, а потом и выбирайте своё дело, своё место в мире. Как выбирать профессию, если вы ещё совсем не знаете, да и не можете знать *того, что определяет этот наиважнейший* для жизни каждого человека *выбор*? И что же тогда этот ваш поспешный «выбор», как не мало-

душный *отказ* от всякого выбора? По-моему, не то что на школьной, но, возможно, и на студенческой скамье ищущему человеку гораздо умнее *не* знать свою будущую профессию, нежели «знать». По крайней мере, твёрдо, окончательно, нисколько не сомневаясь.

Всё бесполезно. Выбирая себе то или иное учебное заведение, о самом образовании если и вспоминают, то в последнюю очередь и лишь в связи с будущими доходами. Приятели, родственники, чуть ли не все учителя делают всё возможное, чтобы подростки дурачили себя иллюзиями о тёплых местах, устроившись на которые они смогут

стать *обеспеченными и культурными* людьми одновременно.

Трудно представить себе «делового человека», читающего вечные книги. Это маловероятно хотя бы потому, что в этих книгах недвусмысленно сказано, что не надо жить так, как он живёт, что это глупо и унижительно для человека. Возможно ли читать, да ещё понимать лучших мыслителей и поэтов, которые в один голос решительно отрицают всё то, чем ты живёшь и даже гордишься? Вряд ли возможно посвятить большую часть своей жизни какой-нибудь престижной скуке — и сильно отличаться от этой скуки! «Человек становится тем, что он есть,

благодаря *делу*, которое он делает своим» (Карл Ясперс). *Каким* стать — зависит в первую очередь от того, *кем* стать.

18 мая 2000 г. Не понимаю: где же смысл моего труда? Ради чего оставаться в школе? Такими, как все, они и без меня вырастут. Всё, что мне бесконечно дорого, без чего не мыслю себе жизни, стало для них едва ли не безразлично. Они перестали доверять даже учителям человечества, кому раньше внимали с благоговением. Теперь они спешат не учиться у них, а спорить и опровергать их. И у них это легко получается. Например, так: «А моя мама не согласна с Сократом и Платоном и говорит совсем другое.

И я ей верю, потому что она кандидат наук». Или так: «А мой дядя, он очень умный, окончил два университета, вчера сказал, что мнение Паскаля и Толстого — это всего лишь их личное мнение. У каждого из нас, кем бы мы ни были, тоже может быть своё личное мнение по любому вопросу, отличное от всех остальных и не менее ценное». Родственники, соседи, приятели, профессиональные физкультурники и туристы оказались для большинства моих учеников более высокими умственными авторитетами, нежели гении человечества.

28 июня 2000 г. Вот и прошли выпускные экзамены, прошёл и долгожданный выпускной вечер — незабываемое событие, каких мало в жизни. Не желая портить его привычным напыщенным пустословием, я постаралась сказать ребятам то, что сочла наиболее подходящим для такого волнующего события. Вот кое-что из того, что у меня сказалось — пусть сбивчиво и нескладно из-за нахлынувшего волнения:

— Как ни важны для вас школьные аттестаты и будущие вузовские дипломы, всё-таки главным для вас будет не это, а то, сумеете ли вы когда-нибудь получить *человеческий аттестат зрелости*. Сделать это было трудно, очень трудно во все времена, но вам будет ещё труднее, потому что вам выпало жить в насквозь фальшивое, неистово лицемерное время. Сегодня много и даже с оптимизмом говорили о вашем будущем... Но *есть ли у вас будущее?* Есть ли у вас то достойное будущее, которое знает в самом себе безусловно прекрасную *цель*? В чём же ваша высшая цель — спрашиваю я вас — ради которой стоило бы жить и которая давала бы вам законное право уважать самих себя и жалеть всех тех, кому ныне принято завидовать?

Задумавшись и спросив себя: что необходимо для того, чтобы понять, что ставший недавно у нас едва ли не всеобщим идеалом *состоятельный потребитель* есть всего лишь *несостоявшийся человек*? Очевидно, дело за тем, чтобы начать мыслить. Мыслить не о чём-то отвлечённом, но о том, с чем каждый из нас сталкивается ежедневно, что все мы видим и чувствуем вокруг себя и в самих себе. Но как это сделать, как этому научиться? Только занимаясь своим образованием. Толстой писал: «Единственное объяснение той безумной жизни, которую ведут люди нашего времени, заключается в том,

что молодые поколения обучаются бесчисленным и самым сложным, трудным и ненужным предметам, не обучаются только тому, что одно нужно, — тому, в чём смысл человеческой жизни, чем она должна быть руководима и что думали об этом вопросе и как решили его мудрейшие люди всех времён и всего мира» («Круг чтения»). Вполне очевидно, что в наше время значимость этих слов лишь возрастает.

Ища, как и ради чего вам жить, вы всегда будете соприкасаться с другими людьми, и каждое ваше слово, каждый ваш поступок неизбежно отразятся на них. Отсюда задача понимания. И все мы с вами настолько люди, насколько умеем *понимать* других. Дело вовсе не в том, чтобы поступить в тот или иной вуз, получить ту или иную специальность и куда-то устроиться. Нет. Всё дело в том, станут ли для вас *другие люди высшей ценностью*, научитесь ли вы их *действительно понимать*. Ведь «по тому, как мы решаем эту ежедневную задачу понимания каждого встреченного нами человека, определяется наше поведение, наша жизнь, наша ценность для жизни» (А.А. Ухтомский). Всё остальное не так важно и всегда будет производным от этого.

Если уж что-то и открывается сейчас перед вами, так это не пресловутое «множество дорог», а множество самых реальных *тупиков*. А *дорог* сегодня, как и во все времена, только две, по слову известной древней книги. С высшей, собственно человеческой точки зрения перед вами только два пути: либо узкий, полный сомнений и неизвестности путь неустанного самообразования и мышления о жизни, либо широкая комфортабельная дорога, по которой движутся несметные толпы тех, кто спасается от мышления и вполне доволен собой. К чему ведёт неизбежный выбор одного из этих путей, хорошо знает наша пословица: «Из одного дерева икона и лопата».

30 июня 2002 г. Прошло два года, как мои ученики окончили школу. Сейчас все они студенты — будущие юристы, экономисты, врачи, инженеры, переводчики, филологи, психологи... Наш гуманитарный кружок как-то сам собой развалился. На одном из последних собраний они растерянно говорили мне:

— Если б вы знали, как тяжело постоянно чувствовать свою отчуждённость от сверстников... Ну почему мы, в нашем маленьком кружке, всерьёз читаем и стараемся понять разных древних мудрецов, великих писателей, а все остальные просто живут себе в своё удовольствие и прекрасно себя чувствуют? Совсем не то что мы. Что же это за мудрость такая, если она отделяет тебя от всех нормальных людей и делает тебя до крайности одиноким? Ведь даже среди студентов-гуманитариев не с кем серьёзно обсудить прочитанное! Мы же пробовали, а в ответ встречали одно лишь недоумение. Ради чего же тогда стараться читать, думать, жить какими-то высшими интересами?

Узнавая в их отчаянии своё собственное, не так уж давно и с немалым трудом преодоленное, я пыталась их как-то подбодрить:

— Вы переживаете из-за того, что не можете сейчас, сию вот минуту вразумительно ответить на все свои достойные, естественные для каждой живой души вопросы? Страдаете от одиночества? Мучаетесь проблемой смысла своего существования?.. Так ведь это же делает вам честь! И хорошо, что мучаетесь. И помучайтесь! Иначе что же это будет за жизнь — без глубоких сомнений и томительных поисков, без одиночества в душе и даже отчаяния? Какая-то нечеловеческая, какая-то безжизненная жизнь. Один замечательный немецкий поэт говорил: «Надо бы гордиться болью, всякая боль есть память о нашем высочайшем назначении».

Вы, конечно, правы в том, что неформальное отношение к своему обра-

зованию, усиленные размышления о жизни делают человека резко не похожим на других, странным, то есть одиноким... Но задумаемся: одиноким *среди кого?* Неужели кого-то из вас может прельстить такое самоубийственное общество, где знания и ум лишь помеха?

В начале XIX столетия Стендаль, в числе других, резонно предполагал, что «именно в возрасте от 16 до 25 лет обычно решается наша судьба» (*«О любви»*). Поскольку с тех пор в жизни людей и, надо думать, в самих людях многое и существенно изменилось, я всё больше склоняюсь к тому, что сегодня судьба молодого человека

решается ещё раньше, решается как-то без него самого, помимо него и за него.

От нескольких студентов (учащихся в разных университетах и друг с другом не знакомых) я не раз слышала почти дословно такое:

— Да, я согласен с тем, что ещё мало чего знаю и понимаю в жизни, *но я уже всё для себя решил* — как мне жить и чем заниматься. Причём решил окончательно. И не надо мне ничего говорить.

Вот такое странное, решительное, но ничего не решающее решение. **НО**